НА ПРИВЯЗИ
КСЕНИЯ КАРЕТНИКОВА

Ксения Каретникова

На привязи

«Литнет»
2020

Каретникова К.

На привязи / К. Каретникова — «Литнет», 2020

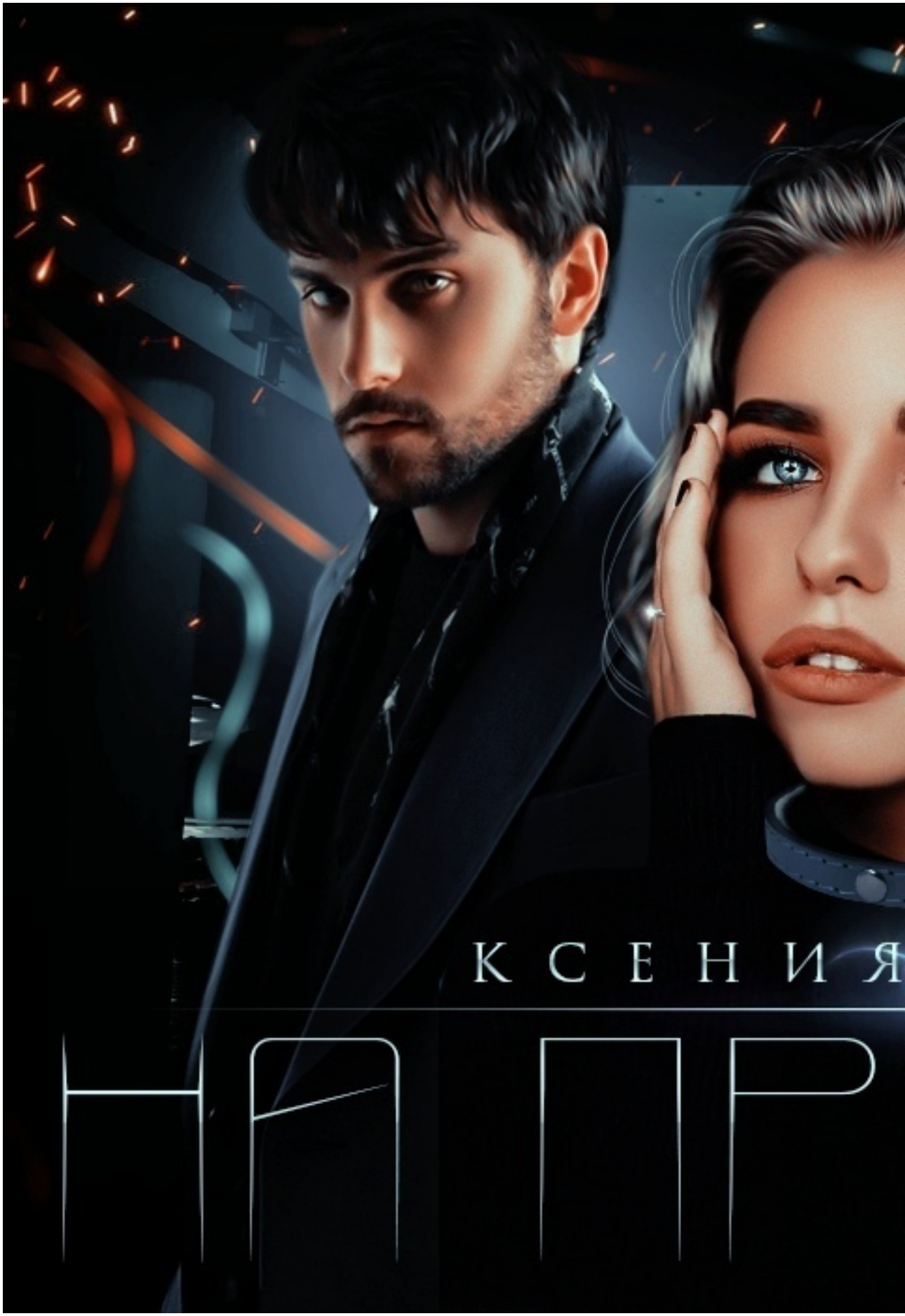
Я сбежала от него сначала в другой город, а потом и в другую страну. Через год вернулась, решив, что ему уже нет до меня никакого дела. Как бы не так... И вот, казалось бы, случайная встреча вечером, а наутро я проснулась на привязи в комнате без окон. Я знала, чего он от меня хочет. Но оказалось, что все не так просто... ХЭ #ОТКРОВЕННЫЕ СЦЕНЫ (часто) #НЕНОРМАТИВНАЯ ЛЕКСИКА (временами)

© Каретникова К., 2020
© Литнет, 2020

Содержание

Вместо пролога... 5
1 9
2 11
3 13
4 15
5 17
6 19
7 21
8 23
9 25
10 27
11 29
12 31
13 33
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Вместо пролога...


КСЕНИЯ

Узлы крепко затянутся на запястье,

Холодный взгляд, откровенный в душу,

Себя уверяет - я его счастье,

Да только вот он - мерзкий, ненужный.

Пальцы клинком проведут вновь по телу,

Огонь зажигая против чертовой воли,

Заполняя меня, он стирает пробелы,

Что топил накануне лишь в алкоголе.

Игрушка в руках, молчаливая кукла.

И крики с мольбами все в пустоту.

В отражении зеркал так просто оглохнуть,

Я на паперть нагая на потеху ему.

Приказы и ласки почти до рассвета,

Смешаются болью в гремучий коктейль,

Я не знаю вопросов, но известны ответы,

Этой ночью безумной он - мой дикий зверь.

Снимая оковы, целует он страстно,

Кусает в кровь губы и меня пьет до дна.

В постели измятой мы на контрастах,

За ниточки дергая, он сводит с ума.

Впиваясь ногтями в сильные плечи,

Царапая грудь до ссадин и ран,

Я стон из груди - ему не перечу,

На миг идиотский шагнула в туман.

Внизу живота пламя погаснет,

Заставляя в безумстве бросить вызов не раз.

На привязи этой... до оргазма. Опасно.

По лезвию острому... Не хочу. Не сейчас...
Мари Фирс

1

Как-то странно я себя чувствую.

Все тело затекло, онемело. Шея скована, поясница болит, ломит. Правая нога пульсирует маленькими, ледяными иголочками... А еще мне холодно - ступням и ладоням.

Резко открываю глаза и тут же пугаюсь. Хлопаю ресницами в надежде... но нет, темнота перед глазами не рассеивается. Черт, я что, ослепла? Если нет, то почему так темно?

Пытаюсь приподняться, руки плохо слушаются, не могу на них опереться. Дышать тяжело, воздух влажный, здесь немного сыро, промозгло...

И вдруг включается свет. Где-то в углу одинокая лампочка свисает с потолка, и ее свет раздражает воспалённые глаза.

Но я, прищурившись, пробую осмотреться, медленно озираюсь по сторонам. Я в небольшом помещении, буквально три на три метра, судя по всему, в подвале: каменные, неровные стены, такой же потолок и пол, рядом с высоким матрасом, на котором я сейчас лежу, укутанная в толстое одеяло, лежит ковёр с коротким ворсом. Слева дверь, массивная, без ручки...

Твою же мать, где я?!

В голове шум, в висках сердце отбивает свой ритм, но я стараюсь с этим справиться и вспомнить, что было вчера...

Так, вечеринка у знакомых, фуршет, банкетный стол, люди, люди, люди... и он!

Да, он! Человек из прошлого, оставивший не самые лучшие о себе воспоминания.

Как я испугалась, увидев его, но при этом старалась вести себя спокойно. Да и он, на удивление, поздоровался со мной скорее равнодушно. Этим и успокоил. Да так, что мы выпили, праздно пообщались ни о чем. А потом...

А потом я не помню. А потом - вот то, что сейчас.

Твою мать!

Ощупываю и осматриваю себя: та же причёска, что и вчера, только слегка растрепанная, и платье на мне то же. Ноги босые, потому им и холодно в этом промозглом помещении. Рассматриваю нижние конечности внимательней, притягивая их к животу... блядь! Других слов нет! На моей правой лодыжке металлическая окова, к ней прикреплена толстая цепь, тянущаяся из угла, того самого, где свисает лампочка.

Я сплю? Вся надежда на это. Но нет, ущипнув себя, понимаю: все реально. Жутко, непонятно.

Хочу встать, дергаюсь, отталкиваясь от слишком мягкого матраса, но не получается - тело ведет, меня покачивает. Словно какая-то сила тянет обратно - и я падаю на матрас. Тут же бессилие, страх, неизвестность - кажется, я на грани панической атаки, а я-то уж точно знаю, что это такое.

Дверь. Она начинается открываться, в этом почти пустом пространстве звуки громкие, гуляют эхом как будто со всех сторон. Я натягиваю одеяло до подбородка и, зажмурившись, просто жду того, кто войдёт.

Помещение заполняется ярким светом резко, и так же резко возвращается полумрак.

- Ну здравствуй, Крис, - его голос, ненавистный мне голос, пугающий своей интонацией, с которой он всегда говорит со мной, когда мы наедине, тоже сопровождается эхом, и это, черт тебя дери, пугает еще больше.

Но нет, не показывать ему, что боюсь.

- Привет, - отзываюсь я. - А не подскажешь, где я?

- У меня, - отвечает он спокойно и подходит ближе. Я невольно поднимаю лицо, широко распахивая глаза.

Он стоит, закрывая собой часть света от лампочки, но я все равно вижу, что голый. По пояс. На нем лишь тёмные джинсы, обтягивающие, даже чересчур. Твою мать! Я вижу под ними в области паха член, лежащий на боку уже в эрегированном состоянии.

- Заметила? - довольно интересуется он. - И это я только подумал о том, что буду сейчас с тобой делать.

Он делает еще шаг и начинает расстегивать свой пояс. Металлический язычок ремня, соприкасаясь с такой же пряжкой, издаёт противный лязгающий звук, до нереального громкий.

А потом он выбрасывает руку и тянет меня за волосы, заставляя приподняться. Мое лицо оказывается напротив его плоского живота, на котором в самом низу красуется татуировка. Дракон в японском стиле.

- Как долго я этого ждал, - заявляет он с придыханием, волосы мои не отпускает, мне становится больно, я пытаюсь отвернуться, тщетно. Он буквально тычет моим носом себе в живот. - У тебя такая же, ведь так, Крис? Я нашёл твоего мастера и попросил набить мне точно такую же, на том же месте, - он тянет меня выше, сам слегка наклоняется. Лизнув меня до омерзительного мокро в щеку, у уха, он шепчет: - Сегодня наши драконы сольются, как и мы.

2

Холодно. Страшно. Больно. Последнее не физически, морально. Я сбежала от него, надеясь, что секс между нами никогда не случится. Надеясь, что он забудет обо мне.

Но нет. Он, оказывается, долго этого ждал. И дождался же, твою мать!

Упёртый ублюдок, который сделает все, чтобы получить желаемое!

А я... а я дура. Зачем вернулась?

Он продолжает держать мои волосы, тянуть, словно собирается скальп с меня снять, при этом другой рукой он гладит меня по голове:

- Хорошая моя, девочка... Ну скажи, что вернулась, потому что соскучилась и передумала, ведь так? - я качаю головой. - Нет, плохая!

Он отпускает меня неожиданно резко, я тут же падаю на матрас.

Затем он садится передо мной на корточки и пытается посмотреть в глаза:

- Больно? Ну прости, мне тоже больно, - его пальцы проводят по моему лицу, едва касаясь, замирают на губах, на которые он смотрит и облизывает свою нижнюю губу. - Скажи, ты нагулялась? - спрашивает он, а я офигеваю от того, как меняется его настроение. И вдруг понимаю: он опять под наркотой. Ничего не меняется, ничему его жизнь не учит.

- Боря... - произношу я имя, которое так хотела забыть. Мой голос хрипит, я хочу откашляться, но не успеваю, он целует меня, жадно, глубоко проникая языком, касаясь им зубов и дёсен. Я не отвечаю, не хочу, мне противно, чувствую во рту привкус алкоголя вперемешку с табаком. Мне дышать трудно, вырываюсь, и тогда он впивается рукой в мой подбородок и целует более настырно и требовательно. Это уже не поцелуй, это изнасилование моего рта.

"То ли еще будет", - язвительно шепчет внутренний голос.

Закончив поцелуй, Боря поднимается. Смотрит на меня сверху вниз, с победой во взгляде. А я кашляю до боли в горле, при этом вытирая небрежно губы. Борьке это не нравится, и он демонстративно вынимает ремень из пояса джинсов. Хлясть - он бьёт сложенным ремнем по матрасу, рядом со мной, у ног. Потом еще и еще. Я сжимаюсь вся, думая, что каждый следующий удар будет уже по мне.

Но нет, не попадает, на цепь - да, звук просто ужасный, разрывающий тишину. Боря отбрасывает ремень к двери, а затем приспускает джинсы. Вдруг останавливается и велит:

- Снимай.

- Боря, не надо, - качаю я головой.

- Надо, Крис. Сегодня я трахну тебя. И завтра. И послезавтра. А если ты будешь послушной, то без вреда для твоего здоровья.

Мысленно стону, потому что знаю, как Борька может причинить вред здоровью. Раньше, слава богу, не моему. Но сейчас его ничего не остановит.

Спускаю его джинсы, поочерёдно снимаю каждую брючину. Руки трясутся, действую медленно и неуверенно. А наконец закончив, замираю, уставившись Борьке в лицо. Он кивает вниз, намекая, что надо снять еще и трусы. Повинуюсь, твою мать, я повинуюсь! Снимаю и их.

Член, высвобождаясь из тесного плена, упруго выпрямляется. Не смотрю на него, отводя глаза.

Борька вдруг произносит тихим, но приказным тоном:

- Соси.

В голове стучит, разрывает, стоит мне только представить!

- Не буду, - отвечаю зло, - хоть убей, но не буду.

- А отцу ты сосала?

- А он не рассказывал?

Взмах рукой - и на моей щеке горит след от пощёчины.

- Сука, - говорит Борька и хватает меня за подмышки, поднимает, ловко, как куклу, переворачивает и кидает животом на матрас. Залезает сам, а затем тянет меня к себе. Окова с цепью на моей ноге ему совсем не мешает.

Я молю сейчас только об одном, чтобы не больно и чтобы он был сзади, не хочу видеть его довольное лицо.

Но нет, Борька хочет именно так, как не хочу я.

Разворачивает меня, рвёт без сопротивления платье спереди. Под ним нет верхней детали белья, и я по инерции прикрываю грудь руками. Борька хватает меня за руки и прижимает их к матрасу над моей головой. Влажно целует мой подбородок и ведет мокрую дорожку языком к груди. Играет с моими сосками, которые напрягаются, твердеют. Нет, не от возбуждения, а от холода.

Я недовольно мычу, пытаюсь сопротивляться. Но понимаю же - напрасно. Я неизвестно где, никто меня искать не будет... прекращаю сопротивляться, даже пытаюсь расслабиться.

Пусть играет со мной, пусть получает, что хочет, этот сукин сын.

Ничего, я придумаю. Я найду выход.

3

Закончив игру с грудью, Боря отпускает мои руки и, раздвинув мои бедра, устраивается между ними. Сначала сидит и смотрит, как будто смакуя каждую секунду происходящего. Невольно опускаю взгляд, мазнув по мужскому паху - Борька вяло наглаживает свой стоящий член. Не самый большой, который я видела, но все равно впечатляющий. Больше толстый, чем длинный. Я с ужасом на миллисекунду представляю, что он сейчас окажется во мне, и меня тут же начинает бить мелкий, лихорадочный озноб, даже зубы стучат.

Пытаюсь свести колени, мне не дают, больно припечатывают ноги обратно, а потом Борька с невероятной силой тянет кружево нижнего белья - нежная и хрупкая ткань трусиков с треском рвётся. Не медля, Боря толкается вперед, тут же проникая в совершенно сухое лоно головкой. Острая боль обжигает между ног, я выгибаюсь всем телом, впиваясь ногтями в матрас и с болью в голосе стону. Борька явно недоволен, это заставляет меня усмехнуться - вот как, мое тело не хочет его принимать, не возбудилось. И тогда он выходит, обильно смачивает слюной свой член и снова входит. На этот раз глубже из-за смазки. А я прикусываю губу и поворачиваю голову, уставившись на закрытую дверь.

- На меня смотреть! - рычит Борька, а сам опускает взгляд на мой живот, гладит пальцами татуированного дракона.

И я смотрю. Неотрывно. В его лицо, перекошенное сейчас гримасой наслаждения. Никогда не видела его таким, да и не хотела.

Борька начинает двигаться во мне всем телом. Сначала вроде аккуратно, а потом грубей, властней, сжимая ладонью мой подбородок, пытаясь проникнуть пальцами в мой рот. Скалю зубы, демонстративно. Другая мужская рука продолжает наглаживать набитого под кожу дракона. Как он его волнует, надо же, даже себе набил. И они, его и мой драконы-близнецы, действительно как будто сливаются сейчас. Создавая некое чудовище, у которого две головы...

- Скажи, тебе хорошо? - с придыханием шепчет он, ускоряя темп. Слышатся хлопки от частого соприкосновения тела о тело.

Как бы я сейчас хотела, чтобы здесь играла музыка. Любая.

Я не отвечаю. Потому что врать не хочу, а правдой лучше не отвечать.

- Сучка, - стонет он, шлепнув меня по бедру.

А я терплю. Пытаясь абстрагироваться от происходящего, я умею, я могу думать о чем-то.

Ай!

О том, как я жила этот год вдали от этого ублюдка. Другой город, заграница. Мне было хорошо, спокойно...

Ой!

И тут вспоминаю про того, кто был со мной все это время и кого я оставила дома, уходя вчера. Черт!

Борька кончает. Мне на живот, успев выйти из меня вовремя. Долго содрогается, закинув голову. Потом он, отдышавшись, проводит все еще стоящим членом по моему бедру, оставляя липкую дорожку своего семени... как противно же! Так, не думать. Не думать...

Однако ему самому это нравится. Он все смотрит на тату, твою ж мать, как нарочно кончил именно на нее. Затем Боря молча поднимается с матраса, стоит и наблюдает за мной. Переводя дух, я нервно стягиваю с себя платье и вытираю его остатками сперму со своего тела, соединяю бедра, слыша, как по полу лязгает цепь, и устало ложусь на бок. Тоже смотрю, на него.

- Хорошая девочка, - произносит он, - Уверен, что и тебе было хорошо.

Хер с ним, пусть так думает. Поэтому не спорю.

- Ты же будешь и дальше послушной? Тогда и я буду рад сделать тебе приятное.

Борька поднимает с пола свою одежду, про ремень тоже не забывает. Наблюдая за ним, все думаю, понимая, за кого я сейчас переживаю больше. Вот не надо было позволять себе привыкнуть и полюбить. Зря я.

- Боря, - зову я, все-таки решившись. Он оборачивается. - Могу я тебя попросить?

- Поесть и попить сейчас будет, в душ отведу, но попозже.

- Не об этом.

- О чем? - настораживается он. - Я тебе не отпущу...

Кто бы сомневался! Получив, что хотел один раз, вряд ли он насладился довольно быстрым сексом сполна.

- Ты же наверняка знаешь, где я остановилась, вернувшись в город? - он кивает. - Там Алешка один...

- Какой Алешка? - не понимает он.

- Ну, Алешка, - произношу я другой интонацией, словно она должна дать понять Борьке, про кого я говорю. И он понимает:

- Ааа, и что ты хочешь?

- Сделай что-нибудь, позаботься, - хоть и с трудом, но прошу я, а потом, наверное, зря добавляю: - Ты же не совсем бесчувственная скотина...

4

Брать с собой собаку, когда сбегала, было плохой идеей. Одной затеряться проще, можно сменить имя, изменить внешний вид, причёску - деньги на это у меня были. А с животным риска больше.

Но я не могла оставить Алешку, привыкла к нему за два года. Никогда не думала, что маленький комок шерсти сможет вызывать у меня такие трепетное чувства. Смог.

Его подарил мне муж сразу же, как мы вернулись из свадебного путешествия. Честно, я негодовала из-за такого подарку, даже не умилилась. Шпиц! Что за собака? Вот стаффорд или овчарка - я еще понимаю, как раз для охраны дома, а не для одного из его диванов.

Щенок был совсем еще крохой, ему только-только исполнилось полтора месяца, за ним нужен был уход, как за ребёнком. Еще он противно звонко тявкал, словно плакал, был неказистеньким, но зато породистым и с охренительной родословной, в которой одни чемпионы. И имя у него уже было, Алекс Вайт из Солнечной Долины. Я из вредности окрестила его Алешкой, а он возьми и начни отзываться на эту кличку. А я через какое-то время возьми и прониклась к этой животине. Пожалела. Настолько, что пустила его в нашу с мужем кровать, потому что думала, что в гостиной ему одиноко и холодно. Потом начала вставать по утрам, чтобы покормить и вывести на улицу. А когда он подрос, по вечерам мы с удовольствием прогуливались по парку вместе, иногда втроем, с мужем. Это приятные воспоминания.

Вскоре он вырос, стал таким красавцем! Чемпионские корни давали о себе знать. Я налюбоваться не могла и набаловать, а он отвечал преданной любовью.

И вот в тот самый день, когда я в спешке собирала вещи, нервно кидая их в чемодан, Алешка пристально за мной наблюдал. А когда я, застегнув молнию, покатила набитый чемодан к двери, собака жалобно тявкнула и бросилась мне в ноги, разрывая тем самым мое сердце.

Я поняла, что не смогу его оставить, потому что без меня ему будет хуже, чем со мной, в лучшем случае Алешку выкинут на улицу. В худшем... об этом думать я не хотела.

И мы уехали. Сначала в другой город, где я когда-то училась, потом в столицу, прямиком в аэропорт, откуда мы улетели в Европу. Месяц покатались по странам и осели в Прибалтике. Тянуло меня всегда туда, к холодному морю и к неторопливому образу жизни. Слава богу, денег хватало.

И вот спрашивается - какого я вернулась? Чего мне там не сиделось? Соскучилась по родным местам - ностальгия, твою мать. Напрасно я решила, что Борька переболел. Напрасно...

Всего пять дней здесь, в городе, на третий я получаю приглашение от старой знакомой, жены друга мужа, и несусь на эту вечеринку. Сейчас я думаю, Борька все устроил. Ловко, хитро. Подмешал, скорее всего, мне что-то в шампанское. Вот я и отключилась. И очнулась здесь, в подвале дома. Хрен знает какого, в семье мужа их было много, и не во всех я успела побывать, тем более в подвалах.

Я продолжаю мёрзнуть, даже закутавшись полностью в толстое одеяло, и ногу продолжает беспокоить тугая окова.

Здесь дверь открывается, заходит... нет, не Борька. Мужчина, одетый в спортивный серый костюм. В одной руке поднос, в другой бутылка с водой. Я пугаюсь, хрен знает, что он сейчас будет делать, и обнимаю себя за плечи, прижимая к телу край одеяла. При этом пытаюсь разглядеть парня. Молодой, лет двадцать-двадцать пять, примерно Борькин ровесник. Рост средний, плечи широкие, почему-то думаю, что спортсмен. Движения резкие, но аккуратные. Лицо он прячет, на меня старательно не смотрит, подходит к матрасу и ставит на него поднос, а бутылку - на пол.

- Ты кто? - спрашиваю я тихо.

Он не отвечает, лишь пожимает плечами.

- Послушай, у меня есть деньги, я могу... - мужчина смотрит на меня, прожигая взглядом светлых глаз. Я его не знаю, вижу впервые. Он с кривой усмешкой качает головой.

- Можно мне тогда одежду? Носки, футболку, брюки...

Он хмурится.

- Мне холодно, здесь сыро. И нога болит, можно сделать послабее эту хрень? - я демонстрирую парню правую лодыжку, он внимательно ее разглядывает, тянет руку, небрежно касается моей ступни и точно чувствует, что она ледяная.

Нервно одернув руку, парень молча разворачивается и выходит, закрыв за собою дверь.

5

Мне не хочется есть, но я ем. Нужны силы, чтобы хотя бы соображать. Думать. Анализировать.

Борька сказал, что отведет меня в душ. В этом помещении его нет, значит, отсюда меня выведут. Будет шанс осмотреться... Плохо, что Боря здесь не один, от него я бы смогла бы еще отбиться, но не от двоих.

Второй, парень-молчун, не вызывает страха, но, как известно, в тихом омуте...

Черт! Все плохо, оттого что непонятно. С Борькой всегда было так, он - человек неожиданность, да еще мозги свои разжижает наркотой. Игорь столько с ним боролся - бесполезно. Из наркологической клиники выходил - и сразу за старое.

Я вдруг вспомнила, как впервые его увидела. И, признаюсь, мне он даже понравился чисто внешне - точная копия отца, только на двадцать пять лет моложе: тёмные волосы, карие, почти чёрные, глаза, высокий, статный, широкоплечий. Но стоило ему выдать свою первую улыбку, я тотчас поняла: нет, не подружимся.

А что он сделал после нашей свадьбы с Игорем? Я выходила из душа, обмотанная полотенцем, на плечи накинула тонкий халат. Борька проходил мимо, увидев меня, огляделся, а затем шагнул и прижал спиной к стене:

- Ну как, нравится ублажать старика? - я молчала, смотрела на него, невинно хлопая глазками. - Захочешь настоящего секса - моя комната крайняя в конце коридора.

Я, разумеется, не захотела.

Дверь в подвал опять начинает открываться. И на этот раз ко мне заходит Боря. В руках странное ведро, которое он ставит в дальний угол. Приглядываюсь и понимаю, что это биотуалет. Додумался наконец.

- Вставай, - велит он, - отведу тебя в душ.

Я поднимаюсь, придерживая одеяло, но не пойду же я с ним. А Борька стоит и ждет, приглядываясь. Отбрасываю одеяло и гордо выпрямляюсь. Я голая, соски от холода опять начинают торчать, на них Борька и смотрит, приближаясь. Затем резко опускается, садится на корточки, доставая из кармана ключ. Этим ключом он снимает путу с моей лодыжки. Поднимаясь, Борька ведет по моей ноге, от щиколотки до внутренней части бедра. Касаясь горячими пальцами лобка, он полностью выпрямляется:

- Ты красивая. Блядь... - приносит он. - У меня всегда стоит, только на тебя посмотрю... Знаешь, как было вчера неудобно на той вечеринке?

"Неудобно" и "Борька" - два полярных слова, не сочетаемые друг с другом. Никогда и ни с кем ему не было неудобно. Но то, что стоит, это да. Увы, я не раз замечала.

Он берет меня за руку и ведет к открытой все это время двери. Оказавшись за пределами промозглого подвала, я пытаюсь осмотреться. Но свет, такой яркий и уже непривычный глазам, режет, я щурюсь и мало что вижу. Довольно узкий коридор с каменными стенами, справа стена заканчивается, вижу кусок ступени лестницы, ведущей вверх. Но Борька ведет меня в другую сторону.

Здесь дверь, не такая массивная, как в месте моего заточения. Борька толкает ее двумя пальцами, она открывается вовнутрь. Мы заходим: сначала я, а затем Боря. Темно, влажно. Щелчок - включается свет, не такой яркий, как в коридоре, но и не такой тусклый, как в подвале.

Ванная комната, если ее можно так назвать. Обложенная потрескавшейся местами голубой плиткой, без ванной - просто металлический поддон со сливом в дальнем углу, там же

на стене висит душ-лейка. За мной маленькая полка с душевыми принадлежностями, рядом крючок, на котором висит пара белых полотенец.

Борька закрывает дверь, берет с полки кусок мыла и мочалку, сует мне, а потом ведет меня за локоть к душу. Включает воду, проверяет ее температуру. Я встаю под тёплые струи воды, зажмуриваюсь, по инерции начинаю тереть себя намыленной мочалкой: шея, грудь, живот, бедра. Мыло вкусно пахнет розой, на мгновение я проваливаюсь куда-то, ловя себя на мысли, что пусть хоть на секунду, но мне становится хорошо. Приятно смыть с себя и прикосновения Борьки и следы от его семени на своем теле. Я улыбаюсь, вскользь, бегло и... прихожу в себя. Тут же чувствую, как Боря на меня смотрит, буквально жалит своим взглядом, проникая под кожу, глубже и больнее, чем игла тату мастера.

А она была во мне не раз.

На моем теле несколько татуировок, делала я их после важных или особых событий в моей жизни. Например, так горячо любимый Борькой дракон внизу живота прячет шрам от полостной операции.

6

Борька раздевается. Не намерено смотрю на его обнажённый торс. С досадой подмечаю: хорош, сукин сын! Тело рельефное, подкачанное, загорелое. Увидела бы его в первый раз - мне бы понравилось, зацепило. И татуировка внизу живота смотрится гармонично. Мой дракон ему идет, черт его подери!

Ниже его живота не смотрю. Не хочу...

Он подходит ко мне, забирает из моих рук мочалку.

- Повернись, - говорит он.

Я делаю к нему шаг, поворачиваюсь спиной, Борька начинает мылить эту часть моего тела, постепенно опускаясь ниже. Ягодицы он мылит дольше, а потом резким движением просовывает мочалку между моих ног, интенсивно и грубо намыливая нежное место. Хватает меня за плечо, поворачивает к себе лицом, опять просовывая мочалку между ног. Я стою с закрытыми глазами, прикусив губу.

А он все мылит, с каждым движением все резче, грубее, злее... Мне становится больно, и я останавливаю движения Борькиных рук, впиваясь пальцами в его запястья. Он прекращает, швыряет мочалку на пол, а потом, толкнув меня под струи воды, начинает водить ладонями по моему телу, смывая пену.

Закончив, Борька разворачивает меня к себе спиной и прижимается, схватив и сильно сжав мою грудь. В поясницу упирается доказательство того, что он готов. Он снова будет меня трахать.

Борька слегка приседает и начинает водить членом по моей межягодичной складке. Я сжимаюсь - нет, только не туда! Я еще никому не позволяла заниматься с собой таким видом секса.

Продолжая водить членом, Борька наглаживает ладонями мои ягодицы, а потом скользит пальцами ниже, в пах, к влагалищу. Засовывает туда палец легко и беспрепятственно. Я вздрагиваю, напрягая мышцы. Но Боря упрямо продолжает судорожные движения пальцем.

- Крис, - шепчет он возбуждённо, - тебе нравится... пальчиками? - спрашивает, засовывая в меня уже два.

Если бы это был не Борька, я бы, может, и призналась себе, что мне приятно. Но нет.

Я качаю головой, и почти сразу же вместо пальцев во мне оказывается Борькин член. Головка входит легко, а вот по длине мое нутро сперва отказывается его принимать в такой позе. Но Борька настойчив, толкается вперёд, сопя и мыча. И вот он уже полностью во мне, чувствую мужской лобок, который соприкасается с моими ягодицами. А потом начинается...

Борька буквально насаживает меня на себя, помогая руками, двигая мои бедра. Я старательно молчу, а хочется кричать, но не от удовольствия, какое там - от отвращения.

Я выгибаюсь, цепляюсь руками за стены, одна из плиток отваливается от моего натиска, с треском падает в поддон, и я царапаю ладонь о шершавую поверхность. Боль отвлекает от того, что происходит сзади.

- Да, - стонет он, - моя девочка, теперь моя.

"Ненадолго", - упрямо маячит в голове, хоть я в этом сомневаюсь.

Борька бурно кончает, не на меня, нам под ноги. Вода, которая продолжает литься из душевой лейки, тут же смывает сперму в слив. Я зачем-то наблюдаю за этим, и мне хочется истерично смеяться.

Постояв немного под душем, Борька выключает воду. Отходит от меня, но быстро возвращается и укутывает меня сзади в полотенце. Я зажмуриваюсь, чтобы не выпустить просящиеся слезы.

- Посмотри на меня, - слышу хриплый шепот. Распахиваю ресницы, тут же встречаясь взглядом с Борькой. Его зрачки сужены, в них плещется лёгкое безумие и ненасытная похоть.

Появляется желание оттолкнуть его, надеюсь, что он поскользнется и упадёт, и бежать. Куда угодно, лишь бы от него.

Повинуясь порыву, я делаю это, толкаю. Борька, к моему сожалению, не падает, но я успеваю достигнуть двери, открываю ее и вижу парня-молчуна, принесшего мне сегодня еду. Он стоит в коридоре, блком, сложив руки на груди. Услышав шум, парень поворачивается ко мне и качает головой. Я теряюсь, стою на месте, уже ругая себя за эту попытку. И тут же сзади меня хватают сначала за волосы, потом за шею. Возвращают в душевую и бьют по лицу, при этом сильно сдавливая мою шею.

- Не расстраивай меня, Крис. Не заставляй делать тебе больно, - на удивление мягко произносит Борька. - Запомни: отсюда ты не уйдёшь, пока я этого не захочу.

Звучит фраза, за которую я мысленно цепляюсь. Последняя из уст Борьки - пока я этого не захочу. А значит, есть шанс, а значит, я сделаю все, чтобы он этого захотел.

7

Одевшись, Борька ведет меня обратно, в соседнее помещение. На мне лишь полотенце, и я намертво цепляюсь за него - не отдам. Оказавшись в подвале, я тут же сажусь на матрас, смотря прямо перед собой.

Борька прохаживается по помещению, берет окову и приближается с ней ко мне. Садится на колени и надевает на лодыжку холодную путу металла.

- Что там с Алешкой? - спрашиваю я.

- Нормально все с твоей псиной, - бросает он.

- Где он?

- Сейчас как раз едет в хорошие и заботливые руки, - усмехается Борька.

Здесь вдруг в дверь стучат, я дергаюсь, кошусь на нее. Боря подходит к двери, открывает, вижу парня молчуна, точнее руку в серой толстовке, которой он протягивает что-то Борьке. Тот берет и возвращается ко мне со стопкой каких-то вещей.

- Тут одежда, - говорит он. - Пока на первое время. Завтра подберу тебе что-нибудь на свой вкус.

Покорно беру вещи, кладу их на колени.

- А что это за парень? - киваю я на дверь.

- Юрасик? Он, можно сказать, твой охранник. Не бойся его. Ему запрещено на тебя смотреть и прикасаться к тебе. Только мне это позволено, - он наклоняется, слюняво целует мои губы. - Что-то еще надо? - спрашивает, уже стоя у двери.

Думаю несколько секунд, а потом озвучиваю свое желание:

- Ром и колу.

Да, хочу забыться на какое-то время, а сочетание этих напитков идеальное для меня. От подобного коктейля голова никогда не болела. При условии, конечно, что ром не дешёвая подделка. Но такое Борька не пьет.

- Твои предпочтения не меняются, - фыркает он и, забрав остатки рваного им платья и пустой поднос, уходит.

А я разглядываю одежду: носки и длинная футболка. Нижнего белья нет, брюк тоже. Но делать нечего, вытираюсь полотенцем и одеваюсь.

А затем хожу по подвалу, ища, куда пристроить полотенце. У той части стены, к которой прикреплена цепь, есть небольшой выступ, на него я и вешаю полотенце.

Потом продолжаю ходить, слоняться из угла в угол, длина цепи позволяет, а еще она гремит, звякает, и этот звук неожиданно успокаивает, а то тишина давит на уши.

Мысли скачут и издеваются надо мной. Одна твердит: надо выбираться отсюда. Вторая: хрен у тебя получится. Шанс есть - подчиниться Борьке, делать все, что он хочет, но я сомневаюсь, что в некоторых моментах я смогу. Остатки какой-никакой гордости не позволят.

Дверь вновь начинает открываться. Ко мне заходит парень-молчун. Он заносит в помещение деревянную табуретку, на которой стоят две бутылки: стеклянная с ромом, в пол-литра, и пластиковая с колой, в два. Еще на табуретке есть стакан, высокий хайбл, и тарелка с нарезанными фруктами. Парень уходит, а я медленно подхожу к табуретке. Ром дорогой, мой любимый, и фрукты тоже. Борька, действительно, знает, что я люблю. Откупорив запечатанную бутылку, делаю себе коктейль и выпиваю первый стакан довольно быстро. Тут же приходит спасательная лёгкость в теле и в голове. Пристально смотрю на стакан в моей руке, потом на бутылку. Стеклянные. Появляется жуткое желание - разбить и полоснуть осколком вены. Но нет. Мне еще рано умирать, и не здесь и не так, как рабыня на привязи.

Второй стакан рома с колой уже пью медленней, заедаю фруктами. Можно сказать, наслаждаюсь, даже пробую играть с цепью на ноге, почему-то забавляет. Истерика, наверное, притупленная алкоголем. А на третьем стакане понимаю: все, я сейчас вырублюсь. И я позволяю сну проникнуть в мое сознание, едва забираюсь под одеяло.

Сначала мне ничего не снится. Потом черно-белые картинки начинают мелькать перед глазами. Я переношусь в траурный день. В тот, когда я похоронила мужа.

Мы стоим на кладбище, смотрим, как дубовый лакированный гроб опускается в вырытую могилу. Затем его закапывают. Все происходит ужасно медленно и я, вместо того чтобы смотреть, как засыпают последнее пристанище тела моего мужа, вожу взглядом, вглядываясь в лица присутствующих.

Коллеги, подчинённые, дальняя родня, Демьян, Борька... последний в этот момент тоже смотрит на меня с усмешкой, шепчет одними губами, но я понимаю:

- Ну вот и все.

У меня слеза бежит по щеке, тоже медленно, тягуче. Я пытаюсь ее вытереть, но все равно ощущаю влагу на лице.

Мгновенно пробудившись, резко открываю глаза и вижу, как на меня смотрит пара черных маленьких глаз...

Я сперва даже не верю. Ну не может быть, чтобы Борька...

Но нет, мне не мерещится:

- Алешка, - шепчу я, и тут же мой самый верный друг, уткнувшись в меня влажным носом, начинает вылизывать мои щеки.

8

Я прижимаю Алешку к себе, глажу, целую, вдыхаю запах - от него еще пахнет моими духами. Маленький зверь, лизнув меня в нос, залезает под одеяло и кладёт свою белую мордочку мне на плечо. Мы лежим так, почти неподвижно, несколько минут, а потом засыпаем.

Кажется, во сне я плачу. Ведь, пребывая в мире сновидений, я как наяву вижу то, что было год назад.

- После смерти человека, если он не оставил завещания, как в нашем случае, все его движимое и недвижимое имущество распределяться между наследниками. Я решил, что мне достанешься ты, - выпуская дым колечками, говорит Борис.

Он под наркотой, даже рукав еще засучен. А рядом, на стеклянном столике, лежит использованный шприц. Вот он сорвался, твою мать, уже в наглую, у всех на виду. Хотя все, работающие в доме, прекрасно знают о пристрастии младшего хозяина.

- Борька, ты что-то путаешь, я не наследство, я наследник, - заявляю, разрушая пальцем одно из дымных колец. Я сижу напротив него и не по своей воле, он меня позвал якобы поговорить.

Боря усмехается:

- Ты - вещь, Крис, которая перейдёт мне бонусом от папочки.

Теперь я усмехаюсь, напыщенно громко, демонстративно. А Боря тянется вперёд и, схватив меня за запястье, шепчет:

- Да-да, мамуля, я возьму тебя. Ты будешь стонать подо мной, визжать, как сучка, умолять, чтобы я не останавливался.

Выдернув свою руку, я поднимаюсь с места.

- Иди нахер, сынок, - ласково и уверенно произношу я и, не оглядываясь, в спешке иду к лестнице. Как вдруг слышу треск и звон стекла. Оборачиваюсь - столик, стоящий рядом с Борькой, разбит в вдребезги, осколки стекла в крови, так же как и перед рубашки, к которой Боря прижимает порезанную руку. Он делает попытку подняться. Глаза его бешеные, он смотрит на меня так, что волоски на теле встают дыбом. Борька собирается подойти ко мне, но вдруг слышатся торопливые шаги с кухни. Демьян. Те редкие моменты, когда он дома. С ним я вообще стараюсь не пересекаться. Он подлетает к Борьке и начинает его успокаивать.

Я быстро поднимаюсь к себе, мне страшно, вся моя уверенность и независимость сейчас лишь бахвальство и маска. Я жутко его боюсь. Я видела, что он сделал с Аней.

Думаю, расхаживая по комнате. Бежать! Да! И желательно подальше. Но для начала получить полагающееся мне наследство. С адвокатом я уже говорила, он обещал все сделать быстро. Не нужна мне никакая недвижимость, только деньги и акции.

Я замираю у трюмо, на котором стоит наша свадебная фотография. На ней я улыбаюсь. Да, я, пожалуй, была счастлива в тот момент.

Хотя Игоря все же не любила. Просто потому, что вообще никогда никого не любила... ну, после определённого момента. Да и те эмоции уже давно погасли, я их и не помню. Как и не было. И я не гонялась за Игорем, не соблазняла, не хотела делать именно из него своего мужа. Все как-то само собой получилось. Надо же, как бывает. Парадокс...

И наш брак не по расчёту - мне не было противно с мужем. Даже скажу, что приятно. Он красиво ухаживал, был вежлив, галантен, нежен, умел доставить удовольствие... у меня было уважение к нему. И он знал, какая я. Знал, что любовь для меня нечто сказочное, нереальное. Вот как-то так - не носила я розовых очков. Но и Игорь меня за это уважал. Я для него была не только женой и любовницей, я была еще и другом. И, пожалуй, мне он рассказывал даже больше, чем своим детям.

Кроме одного. Про свою болезнь. Он явно преуменьшал ее тяжесть. Говорил, что все нормально...

И сейчас я ругаю Игоря, что так рано и неожиданно ушёл. Бах - и нет человека. Я теперь вдова. Хорошо, что еще меня не обвинили в его смерти. А то могли же.

- Просыпайся, - слышу я над ухом и открываю глаза. Алешка так и лежит у меня на плече, смотрит на Борьку, склоняющегося надо мной, и скалится. Он его всегда не любил. Мой умный Алешка чувствует людей.

- Доброе утро, Крис, - улыбается Боря. Вроде бы искренне. - Видишь, я, как и обещал, привёз твою псину в хорошие и заботливые руки.

- Спасибо, - выдавливаю я из себя.

- Не благодари, он не всегда будет рядом с тобой. Все будет зависеть от твоего поведения, - он усмехается, а у меня дёргается рука в глупой попытке вмазать ему по роже.

Вот же, сука, догадался о моем слабом месте, нашел, чем шантажировать. Я ведь понимаю, я приму этот шантаж. Слишком глубоко в моем сердце проросла привязанность к Алешке. Он для меня как ребенок, которого я так и не смогла приложить к груди, которого у меня уже никогда не будет.

9

Борька собирается уходить и забрать с собой Алешку. Его надо выгулять и покормить. Разумеется, не сам Боря будет это делать. Привязанность и забота о братьях наших меньших не для него. Игорь рассказывал, что в детстве у его младшего сына было много живности, но ни одна не прожила долго. Кто-то умер, кого-то отдали, потому что Борькиного интереса хватало ненадолго. Надоедало, наскучивало.

Я истерично мысленно смеюсь, подумав, что я для Борьки сейчас тот же домашний питомец. А что? К туалету приучена, меня кормят, моют и приходят, когда нужно. Остаётся надеяться, что я тоже скоро надоем своему чертову хозяину.

С тоской смотрю, как Боря тянет руки к собаке, при этом сообщает мне, что Алешкой займётся Юрасик, который еще и любитель собак, оказывается.

Алешка сопротивляется, уходить явно не хочет, огрызается на Борьку. Но тот берет его на руки, зажимая бедному мальчику морду. Кажется, сожми Борька сильней - и маленький Алешкин череп треснет в его огромной руке.

Когда дверь за ними закрывается, я слышу жалобный скулеж собаки. Он разрывает сердце...

Нет! Лучше бы не привозил его! Слышать это выше моих сил. Больное место, ахиллесова пята. Говорят, что сила женщины в ее слабости. Сейчас моя слабость - это Борькина сила. И, увы, мы оба это понимаем.

Маюсь, извиваясь на матрасе. Самой хочется скулить.

Собаку мне вскоре возвращают. Ее приводит Юрасик-молчун, удивительно, но на него Алешка не огрызается. Помимо собаки в полумраке подвала появляется еще и завтрак.

Парень собирается забрать бутылку рома, но я останавливаю его словами:

- Не надо, оставь.

Юрасик слушается меня и уходит.

Мы Алешкой в основном спим, такое ощущение, что я очень устала, хочу отдохнуть, но сплю обрывисто, каждую секунду опасаясь, что дверь откроется и войдёт Борька.

Смотрю на собаку, он сейчас лежит у меня в ногах в игровой позе, оттопырив пятую точку, его хвост забавно виляет, лёжа крючком на задней части спинки. Господи! Алешка сейчас как светлое пятно в этом тёмном месте. Как в прямом, так и в переносном смысле. Я наглаживаю своего маленького зверя, чешу его за ушком, по пузику. Я вспоминаю, как нам было хорошо путешествовать по Европе, беззаботно жить, наслаждаясь лишь обществом друг друга.

Через несколько часов Алешку вновь забирает Юра, полагаю, пришло время вечерних ритуалов: прогулка, кормёжка. Так я хоть примерно начинаю ориентироваться во времени, хотя бы в частях дня.

Собаку мне вновь возвращают, и Боря, к моему счастью, сегодня не приходит. Свет в подвале гаснет - видимо, на ночь его отключают, и мы с Алешкой засыпаем в сладком спокойствии.

Но утро приходит неспокойное. Я открываю глаза за секунду до того, как в подвале включается свет. И тут же в помещение заходит Борька.

- Доброго дня, Крис, - улыбается он, довольный донельзя. - Как вам спалось?

- Нормально, - бросаю я, наблюдая, как Борька опять забирает Алешку. Он идет с ним к двери, отдаёт зверя в протянутые из коридора руки и возвращается ко мне.

- Отдохнула? Сил набралась? - спрашивает он ехидно, но при этом до противного нежным голосом. - А я жутко соскучился. Замотался вчера по делам. И все время думал о тебе...

Я смотрю на него в упор, а ниже живота начинает ныть, как будто в предвкушении того, что будет дальше. И начинается бег на скорость мурашек по всему телу. Болезненных, колючих...

- Скажи, ты так и собираешься держать меня здесь? - интересуюсь я тихо.

- Да, - кивает он, оглядываясь, - а тебе не нравится?

- Не очень.

- Ну, не сбеги ты от меня, а сейчас веди себя послушно, жила бы в гораздо лучших условиях. Занимались бы мы тем же, но в сухости и тепле. А сейчас не обессудь.

- Но...

- Никаких «но», - его тон меняется, - побудешь на привязи, взаперти. Будешь ждать меня. Каждый раз все сильней, с надеждой, с любовью и страстью. Станешь преданней, чем твой Алешка...

Сука...

Он приближается, доставая из кармана ключ от оковы, а я замечаю, что дверь за ним прикрыта не полностью, виден просвет. Пазл в моей голове складывается быстро - Алешку он передал этому Юрасику, а тот, скорее всего, пошел с ним в дом. А значит, коридор за дверью должен быть пуст.

Я дергаюсь, оборачиваюсь. На табуретке так и стоят бутылки. Ром, конечно, жалко, но...

10

Бросок быстрый, я и сама не понимаю, как у меня это получается - встаю на ноги на матрасе и хватаю бутылку, разумеется, стеклянную, замахиваюсь на Борьку. Всего на секунду мне кажется, что у меня все получится. Я даже уже вижу так ясно, как Борька валяется на полу с разбитой головой, я поднимаю выпавший у него ключ, снимаю путу со своей ноги и выбегаю из подвала. Что там, мне все равно, сориентируюсь, главное - освободиться, потом найти Алешку. И бежать, бежать...

Но...

Боря успевает остановить мою попытку, увернувшись и выхватив затем бутылку. Мысленно стону и готовлюсь к худшему, пятясь назад по матрасу.

Борька швыряет бутылку, она разбивается о противоположную стену. После он приближается, тянет меня к себе за цепь. Все происходит как в замедленной съёмке. Я падаю, замечая, как мужские руки сжимаются в кулаки. Думаю, ну все, доигралась, убьёт сейчас. А пусть бы, лишь бы не покалечил.

Замах.

Удар.

Еще один.

Первый по лицу, второй в бедро. Опять по лицу, опять в бедро. Бьёт точно в то же место. Нога тут же начинает дико болеть, а по подбородку стекает кровь. Губу разбил.

Я выгибаюсь, тихо мычу, а понимая, что он остановился, ползу на дальний угол матраса, сворачиваюсь в комок, закрывая голову руками. И боюсь, нервно всхлипывая. Но Борька больше меня не трогает. Мысленно считаю секунды, сука, время так тянется, а он все стоит. Слышу, как тяжело дышит. Слышу, как скрипит зубами. Дух переводит? Думает, решает?

Я уже отсчитала три минуты, а ничего не происходит. Я расслабляюсь, уже не ожидая рукоприкладства, как вдруг Борька забирается ко мне, хватает за волосы и тянет, хочет, чтобы я подняла голову.

Больно, повинуюсь. Поднимаюсь на колени, глаза не открываю. Кожей ощущаю свой же страх, подкрепленный солёным вкусом крови на губах.

- Смотри на меня! - рявкает он. Громко, так, что в ушах звенит. Резко открываю глаза и смотрю в его. - Еще раз осмелишься, и я кому-нибудь что-нибудь отрежу, - шипит он, наматывая мои волосы на кулак.

А я хочу плакать, но не могу. Словно нечем. Жалею себя, Алешку. Только бы не сорвал злость на нем...

Вот дура!

Все решила же подчиниться, поддаться. И только потом можно...

Борька притягивает меня к себе ближе, внимательно смотрит.

- Почему не плачешь? Тебе не больно?

- Больно, - шепчу я.

А он отпускает мои волосы так резко, что я почти падаю, но Боря не дает, одной рукой придерживает меня за локоть, а другой вытирает мою губу. Смотрит на кровь на своих пальцах, а потом подносит их ко рту и... облизывает. Чертов извращенец.

- Сладкая. Надо тебя наказать, - он отпускает меня и начинает расстегивать штаны. А я как ватная, никакая, адреналин выжал меня всю. Теперь я понимаю, отчего все женщины, оказавшись в подобной ситуации, редко сопротивляются. Да нет сил. А отсутствие силы при-

тупляет волю, спасая остатки не основного, а главного инстинкта, самосохранения. "Что воля, что неволя - все равно". Вот и мне сейчас так. Жива, и слава богу.

Борька, повернув меня лежащую к себе спиной, велит:

- Рачком, Крис. Поимею как сучку.

Почти с покорностью встаю на четвереньки. Боря, спустив штаны, не мешкая, входит своим тугим, уже стоящим членом.

Он возбудился, меня ударив?

А что, если так теперь будет всегда?

Стону, думая, что мысленно, а оказывается вслух. Бедро болит, губа опухает и ноет, а между ног опять жжёт. Там сухо, такое ощущение, что в меня пихают наждачку. Но Борю это не останавливает. Войдя полностью, он начинает вдалбливаться в меня остервенело, с восторгом в своих скупых ахах и охах.

Слезы все же появляются. Текут по горящим щекам, разбавляя кровь на подбородке, все это капает алыми пятнами на одеяло. Но я стараюсь плакать бесшумно. Незачем про мои слезы знать Борьке. Комкаю ткань одеяла руками, пряча следы своей немощности. Терплю, твою мать, терплю и молю, чтобы он быстрей кончил...

Кажется, что он мучает меня уже долго. Приходится подыграть, двигаюсь ему навстречу и мычу. Пусть думает, что основной инстинкт взял вверх.

И ему это помогает. Он импульсивно содрогается, выходит и кончает в край моей футболки, где-то на спине. А мне уже все равно. Я и так грязнее некуда.

Я тут же опускаюсь плашмя на живот и порывисто дышу в скомканное одеяло.

- Не расстраивай меня больше, - произносит Борька и уходит, громко хлопнув дверью.

11

Я лежу неподвижно уже долго. Кажется, пошевелюсь - и все тело начнёт болеть. Снаружи, внутри...

Запах крови, которым пропитывается пододеяльник, вызывает тошноту, но я сдерживаюсь, терплю.

И не знаю, день еще, вечер или ночь? Свет не включают больше, я в полной темноте. Клянусь, никогда не думала, что буду так скучать по солнцу.

Почему-то сейчас думаю, что Борьке не скоро надоест. И знаю, чего именно он от меня хочет. Собачьей преданности, чтобы в рот ему смотрела. С ужасом понимаю - так долго я не смогу. А значит, буду битой не раз.

Я, конечно, стерплю. Если не подохну от побоев и проживания в подвале, даже сильней стану... но для чего? Для кого?

Смысла в моей жизни нет. Есть только Алешка - моя единственная любовь, мой верный друг, моя чёртова радость! И сейчас я не знаю, что с ним, повлиял ли мой поступок. Осмелился ли Борька после моей попытки причинить вред маленькому существу?

Борька не привык получать женский отказ. Для него это было игрой: добиться, трахнуть и бросить. Так, кстати, было и с моей предшественницей, любовницей Игоря. Борька смог ее развести, а потом еще показал отцу свидетельство на цифровом носителе этого адюльтера. А вот я ему отказала и продолжала отказывать. Ну не нравились мне мужчины младше меня - они казались мне глупыми, с ними не интересно... однако, признаюсь, с Борей так было. Но не в общении. Мне было интересно наблюдать за его попытками. Еще более интересно, до азарта, повышенного адреналина в крови, следить за его реакцией на отказ. Сейчас думаю, что зря я так. Этим и подогрела до верхней шкалы его желание. Оно стало навязчивым настолько, что Борька вполне мог принять его за нечто иное. Я не совсем про любовь сейчас. В нее я не верю.

Самое забавное то, что после хамских предложений с явным намеком на кувыркание в постели Боря начал действовать иначе. Клянусь, он практически ухаживал за мной: знаки внимания, подарки. Тактику он сменил, старательно ее придерживался, но иногда срывался. Я доводила. Я провокатор. Но если бы он меня не трогал - и я бы равнодушно жила рядом. Как это было с Демьяном. Мы друг друга словно не замечали. Дежурные фразы - вот и все общение. А мне так и надо было. Так лучше.

В какой момент дверь в подвал открылась, я не понимаю. Просто слышу, что по каменному полу места моего заточения кто-то ходит. Со стоном ползу по матрасу, аккуратно выглядываю из-под одеяла.

Разглядываю силуэт в темноте, свет из коридора помогает. Не Борька. Юрасик. Он ходит по помещению, собирая щёткой осколки бутылки на совок.

- Он меня убьёт, - говорю я ему.

Парень оборачивается. Молчит.

- Мой труп закапывать будешь ты.

Юрасик продолжает молчать.

- Ты уже это делал, да? Выполнял его жуткие прихоти?

И опять ничего в ответ.

- Тебе все равно? - спрашиваю я со стоном и так, как будто ему не должно быть все равно.

Парень качает головой с сомнением.

- Алешку когда вернут?

Вот тут он качает головой уверенно.

- Ты немой?

Он ничего не отвечает и уходит.

Бедро болит, готова поспорить, там огромный синяк. Губа опухла, разбита почти посередине, но уже не сочится, начинает подживать, как на собаке, ей-богу.

Сажусь на матрас, нервно дергая себя за край футболки, озираюсь, вглядываясь в полную темноту. Случайно задеваю ногой бутылку с водой и понимаю, что хочу пить. Жадно глотаю прохладную воду. Ей же умываюсь, склоняясь над биотуалетом. До него добираюсь медленно, на ощупь по стенке, ступая по холодному полу, пару раз спотыкаюсь о каменные неровности. А потом пользуюсь туалетом по прямому назначению. Все же как неудобно, он низкий. Еще мне больно, между ног саднит, щиплет.

Выпускаю из груди один протяжный стон, вкладывая в него все свои эмоции. После чего ложусь на матрас и пробую уснуть.

Просыпаюсь от запаха. Еда. Встаю, иду на запах, уже не так плохо ориентируясь в пространстве. На табуретке стоит пластиковая тарелка, на ней картофельное пюре и куски мяса. Приборов нет. Ем так, как собака жрёт из миски, ненасытно и пачкая морду. Блядь, никогда бы не подумала...

Ко мне долго никто не приходит. И свет не включают. Тишина звенит в ушах, и только боль дает понять, что я живу, что я существую.

Такое наказание продолжается долго. Ничего, я его принимаю. Ничего, я когда-нибудь отыграюсь. Главное - подружиться с такими понятиями, как смирение и покорность. На время, разумеется.

12

Мне кажется, что я начинаю сходить с ума. Маюсь, считая шаги, которыми я измеряю помещение. А потом, не знаю почему, начинаю делать упражнения. Разминаюсь, тянусь, отжимаюсь. Местами больно, но это только больше закаляет нервную систему. Ее Борька, я уверена, подвергнет испытаниям еще не раз.

Продолжаю упражняться, вспоминая приобретённые в юности навыки.

Когда-то я занималась танцами. Закончила детскую хореографическую школу. Но вот дальше...

Дальше я терпела. Многое. Отца алкаша, а потом издевательства в детдоме. Да, мама умерла, отца лишили родительских прав, и я в двенадцать лет оказалась в детском доме. Уже бывалые одногодки издевались надо мной. Я пряталась от них, терпела, отпора не давала. Маленькая Кристина была тихой, скромной, но далеко не незаметной. Это потом меня просветила одна старшая девочка, Алина: они завидуют твоей красоте. Мне было смешно, ведь я себя такой не считала. А она подвела меня к зеркалу и спросила, что я вижу.

- Девочку, - ответила я.
- Какую?
- Испуганную.
- Не то, - улыбнулась Алина, - какая ты всегда, а не сейчас?
- Обычная.
- Да нет же, опиши себя как со стороны.
- Волосы светлые, глаза голубые, губы...
- Какие?
- Розовые.
- А форма? Размер?
- Бантик. Большие... пухлые.
- Вот, Кристинка. Многие за такую внешность убили бы, - фыркнула она. - Красотой нужно уметь пользоваться. У каждой девушки, женщины она есть. И дело не во внешности, с этим не всем везёт, как тебе, дело в умении преподнести то, чем наградила тебя природа.

Я запомнила эти слова на всю жизнь. И еще много лет дружила с Алинкой. Пока ее не нашли с передозом в дорогом отеле. Видимо, все же своей красотой она пользовалась неправильно.

Выпустившись из детдома, я не вернулась к отцу на свои законные квадратные метры. Их я получила позже, похоронив своего никчемного родителя.

Выпустившись, я захотела получить вышку, связанную с танцами. Не получилось. Не поступила. Мне сказали, что у меня недостаточно данных. Меня это, конечно, зацепило, но не остановило. Я сделала свою первую татуировку, балерину на руке, и продолжала совершенствоваться уже сама - разные стили, направления. Мне нравилось, это была моя страсть... я же сильная, твою мать, я сильная! Только несдержанная. Надо научиться. Надо терпеть. Раньше же умела.

Провалившись в хореографическом, я пошла в педагогический. Получила койко-место в общежитии. Работала. Твою ж мать, где я только не работала! Но самое прибыльное место оказалось в клубе, где я сначала трудилась официанткой, а потом управляющий заметил, как я танцую однажды после смены. И мне предложили пройти кастинг. Я прошла. Девятнадцатилетняя, невинная девчонка. Утром училась, а по вечерам работала, развлекая толстосумов.

Нет, это был не стриптиз, я б не согласилась. Просто танцы, сценические выступления в костюмах. Да, предлагали многое и разное, когда наши номера заканчивались...

Вот там я однажды и познакомилась с ним. Нет, он не вел себя нагло, по-хамски, ничего низменного не предлагал. Просто сказал, что я ему очень понравилась. Что я красивая.

Первая, черт ее дери, любовь. Редко у кого она счастливая в итоге. И редко у кого она с такими последствиями, как у меня.

Виню ли я его сейчас? Да, конечно, виню. Но себя больше. Раньше надо было снимать очки, тем более работая в подобном месте.

Из клуба я ушла. Точнее меня выгнали...

Долго я приходила в себя. Очень. В тот момент я уже переехала в доставшуюся мне по наследству квартиру и как-то днем случайно встретила девочку, с которой мы когда-то учились в хореографической школе. Она на днях открыла детскую студию танцев, и ей нужны были учителя. Это предложение было мне так вовремя, так нужно мне в тот момент. Да еще платить обещали неплохо. А я тогда, можно сказать, бедствовала, на еду даже не хватало.

Конечно, согласилась. И там уже другие знакомства, другие связи. Из простого учителя я вскоре превратилась в руководителя и уже больше занималась не обучением, а общественной деятельностью студии, которая с каждым годом становилась все популярнее и популярнее.

Я стала частым гостем на светских мероприятиях. Вот на одном из таких я и встретила Игоря.

Уже не такой молодой. Но красивый, воспитанный, умный. Богатый. Успешен и хорош во всем... Плохой из него был, пожалуй, только отец. Воспитанием своих детей совсем не занимался.

Но об этом я узнала значительно позже.

13

Тишина и темнота. Темнота и тишина. Это ужасно. Это мучает, терзает, грызёт изнутри. Нет, я долго так не выдержу. С ужасом понимаю: хочу, чтобы кто-нибудь ко мне пришел. Неваж

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.